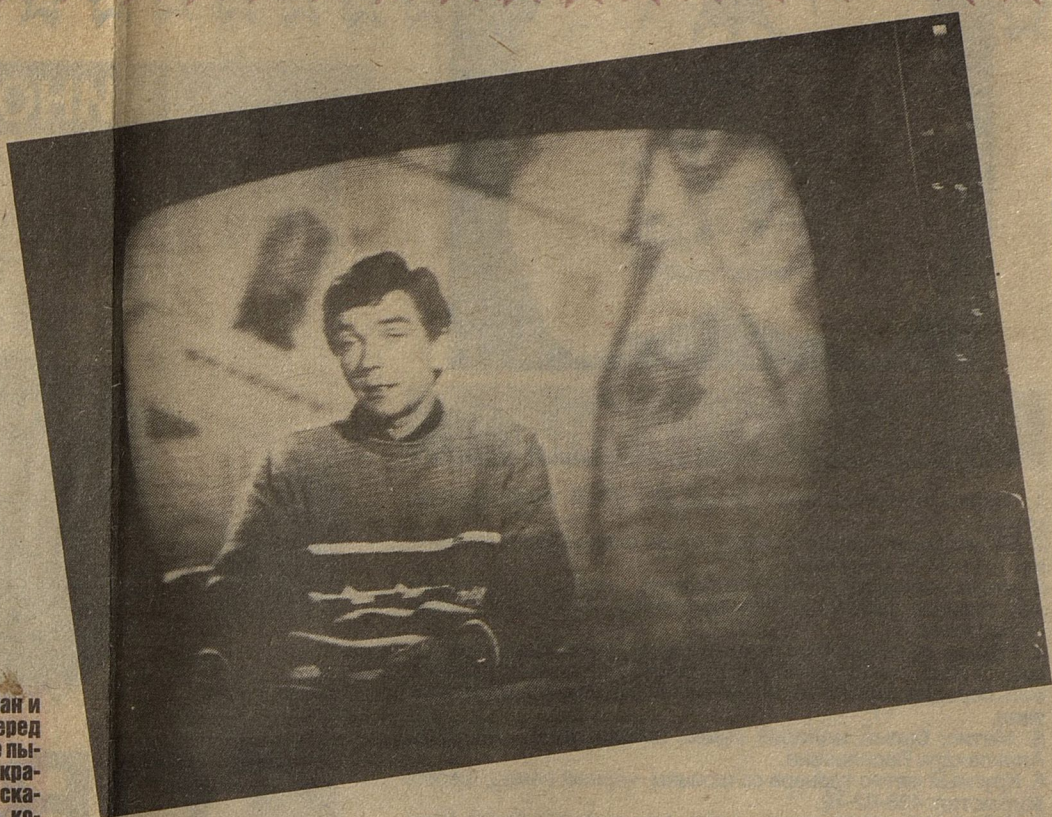

ГОСТЬ МАНЕЖА

ЮРИЙ НИКОЛАЕВ: РАБОТАЮ БЕЗ ДУБЛЕРОВ

В жизни ведущий «Утренней почты» диктор Центрального телевидения Юрий Николаев собран и спокоен. Нет традиционной улыбки, легкости и раскованности, которые мы видим на экране. Перед нами сосредоточенный человек, рассказывающий о своей жизни и работе трезво и искренне, не пытаясь сгладить противоречий, выдать желаемое за действительное. Образ, знакомый по телеэкрану, рассыпается с каждой произнесенной репликой — перед нами человек, которому есть что сказать и которому давно хочется высказаться. А главное — выйти, хоть ненадолго, из того образа, который стал для него традиционным.

Юрий, в свое время Алла Пугачева пела

про клоуна, который «Гамлета в безумии страстей который год играет для себя». Не про вас ли это могло быть сказано?

— Вот по поводу Гамлета судить не буду, но, возможно, вы вместе с Аллой Пугачевой во многом правы. Сейчас, когда я уже почти пятнадцать лет работаю на телевидении и много сил и времени вынужден отдавать «Утренней почте», не могу до конца понять: почему же все так получилось в моей жизни. Я закончил ГИТИС и мечтал только об актерской карьере. Был принят в театр имени Пушкина в Москве и играл в интересных пьесах главные роли. Снимался в кино, а между делом иногда подрабатывал на телевидении, поскольку на зарплату начинающего артиста не особенно проживешь.

И вдруг раздался звонок и меня приглашают в отдел дикторов ЦТ. Правда, к тому времени у меня уже был некоторый опыт работы на телевидении. Еще в Кишиневе я приглашался режиссеру местной студии на роль ведущего телецикла «До-ре-ми-фа-соль». Этот цикл я вел до окончания школы и переезда в Москву для поступления в ГИТИС. А оказавшись в столице, случайно попал на передачу «Вперед, мальчишки». Вообще многие артисты театра и эстрады всеми средствами стараются попасть на телеэкран. И я здесь не был исключением.

— И все же предложение работать в штате ЦТ было для вас неожиданностью?

— Да. Я и сейчас еще не совсем уверен, правильно ли поступил, избрав такой путь. Собственно говоря, внешних причин для ухода из театра у меня не было. Повторяю, что все складывалось как нельзя благополучно. Возможно, сейчас, уже испытав свои силы на ЦТ, я могу сказать, что здесь мне удавалось шире проявить свои возможности. Во всяком случае в театре артист зависел от режиссера. Он может годами ждать своей роли, быть в простое. На телевидении такого не

будет. Загрузка работой есть всегда. То ли это чисто дикторский текст, то ли озвучивание зарубежных фильмов и телепередач, то ли съемки очередных выпусков «Утренней почты». И мне нравится этот темп. А если вдруг выпадает несколько дней выходных, да еще мне никто не звонит и ничего не предлагает, чувствую себя совершенно разбитым. Мне важно знать, всегда, что я кому-то нужен.

— Юрий, все это так, но ведь участие в цикловой передаче, видимо, ограничивает ваши творческие возможности, поскольку у режиссеров и зрителей складывается стереотип характеристики Юрия Николаева. Разве не так?

— Верно. И я, честно говоря, из-за этого чувствую себя не совсем уютно. Когда в сравнительно молодые годы я все-таки перешел из театра на телевидение, я меньше всего думал, что стану ведущим одной из популярных передач. Буду ездить с нею в Швецию, как диктор и ведущий побываю в разных странах мира, стану вести эстрадные концерты на стадионах или приезжать на встречу со зрителями, которые пришли для того, чтобы спросить у меня, почему я так кривляюсь в «Утренней почте» и так плохо готовлю ее выпуск, почему у меня такой странный вкус и почему я не умею быть серьезным. Я просто не мог всего этого предвидеть. Однако я всегда был немого авантюристом. Мне и сейчас интересно попробовать себя в любом жанре. А уж в молодости мне вообще хотелось думать не об успехе, а об интересных начинаниях.

— В одном из выпусков «Утренней почты», снимавшемся в Алма-Ате, вы, выступая в роли каскадера, бросили в кадр: «Юрий Николаев работает без дублера!». Это бравада?

— Нет. В этих словах есть большая доля истины. Если я участвую в развлекательной передаче, то не могу себе позволить быть скучным, однообразным. Я должен все время меняться, чтобы ко мне не успевали привыкнуть. Вот насколько это удалось, сказать трудно.

— Юрий, не знаю, насколько деликатно это прозвучит, но ваш образ в

«Утренней почте» — типичная маска эпохи застоя. Принимаете такой упрек?

— И да, и нет. В чем-то образ получился беспроblemным, глуповатым. Но я не боюсь показаться зрителю смешным. Мне меньше всего хочется ставить себя выше зрителя. Мне интересно и подшутить над собой, и даже спародировать самого себя. Я же артист профессиональный, в конце концов. И даже, когда читаю программу передач, не могу оставаться равнодушным. Мне хочется так прочитать ее, чтобы пробудить у зрителя интерес к той или иной передаче.

— То есть, можно сказать, что вы в данном случае выступаете в роли телезвездочки, скомороха?

— Ну, уж и скомороха. Это вы немного увлеклись. Но все же не могу читать предлагаемый мне текст без актерства. Правда, мои коллеги считают, что как диктор я не поднимаюсь до того уровня самоотдачи, как ведущий в «Утренней почте». Мне грустно это слышать, поскольку прекрасно знаю, что это не так. Если вернуться к вопросу о маске, уверен, что в таком цикле, как этот, другого образа ведущего быть не может. Слово здесь отведено минимальное место. Интермедии воспринимаются всеми, как короткие паузы перед песнями. И сыграть эту паузу с текстом надо легко, весело, не слишком усложняя передачу. Возможно, в другой передаче я бы играл ведущего иначе. О такой передаче, где я бы больше говорил от себя и так, как я сам думаю, я только мечтаю. У меня привычка быть реалистом. У меня готовы, например, программы по поэзии Северянина и Гумилева. Но кто сейчас пойдет их слушать в моем исполнении, зная меня только по «Утренней почте»?

— Мне кажется, что ваша позиция вряд ли оправдана. Когда Андрей Миронов попробовал себя не только в комическом, но и в трагическом амплуа, он шел на заведомый риск. И первое время ему пришлось преодолеть и зрительские симпатии, и режиссерские штампы. Но он победил, доказал свое право быть разным. Что же вам мешает рискнуть?

— Вы правы, но я сам уже

немного побаиваюсь быть другим, хоть и остаюсь в том же амплуа всю жизнь не хочу. Мне в декабре 1988 исполнилось сорок лет, так что уже задумываюсь о жизни всерьез. В свое время именно благодаря «Утренней почте» меня приглашали во все передачи, начиная от «Спокойной ночи, малыши» до новогодних выпусков «Голубого огонька» и «Песни года». А потом интерес ко мне увял, так что «Утренняя почта», можно сказать, отбила у всех ко мне охоту. Но я все же не теряю надежды. И жду, что авторы и режиссеры скоро обратят на меня внимание. И захотят попробовать меня в ином амплуа.

— Юрий, мне с самого начала нашей встречи не терпелось задать вопрос о цирке на телевидении и, в частности, в «Утренней почте». Почему все же это замечательное искусство представлено на телеэкране так мало?

— Насчет количества — вопрос спорный. Были в свое время и выпуски «Новогоднего аттракциона», фильмы о клоунах, сделанные по сценариям и с участием Игоря Кио, постоянно показывались и фильмы-портреты. Так что, на первый взгляд, все вроде бы обстоит хорошо. Но, если посмотреть правде в глаза, это не совсем так. И дело тут не столько в телевидении, сколько в самой специфике циркового искусства, как и разговорного жанра, впрочем. Уверен, что и то, и другое очень проигрывает, когда снимается для телеэкрана. Как можно слушать Хазанова, если нет реакции зала?

Как можно следить за тем, что происходит на манеже, если не видно крупинки пота, нет специфического циркового запаха? Вот и получается, что цирковые номера на ЦТ воспринимаются, как кинофильмы, где все немного приукрашено и идеализировано. Не может помочь даже самый крупный план.

— Это ваше профессиональное мнение. Ну, а как вы относитесь к цирку, будучи просто зрителем?

— Могу сказать, что любителям здесь делать нечего. Это работа на выживание. Известными и обеспеченными оказываются едини-

цы, а для массы цирковых артистов — пот, кровь, риск, безумные условия жизни, вечные переезды и неустроенность. Чтобы все это выдержать, да еще без гарантии пользоваться успехом, надо очень любить цирк и верить в его будущее.

— Юрий, по тому что вы сказали, ясно, что у вас была возможность поближе познакомиться с цирком. Как это произошло?

— Для начала скажу, что образ цирка, возникший в период кишиневского моего детства, для меня вряд ли изменился. Мне здесь все нравится и я сразу включаюсь в праздничную атмосферу. Но в 1979 году в Сочи я участвовал в съемках фильма про дрессировщика морских животных. Снимали сначала на Сахалине, но пришлось передельвать из-за брака и испортившейся погоды.

Так вот, в Сочи я должен был играть роль режиссера, который снимает фильм в фильме. Даже имя и фамилию мою не изменили, так я и вошел в кадр Юрием Николаевым. И вот тогда я увидел вблизи жизнь циркачей. За кулисами она выглядит не очень празднично, прямо скажем.

— Вероятно вы, уже имея в этом роде некоторый опыт, могли бы на самом деле снять фильм о цирке?

— Нет, об этом как раз думаю меньше всего. Во-первых, не люблю мельтешить, когда надо заниматься только своим делом. А главное, хоть я и люблю цирк, и уважаю тех, кто в нем работает, все же не знаю всего досконально. Вот на телевидении я знаю все — от тоннагов до телекамеры, вплоть до того, куда и как включаются проводки и для чего каждая из кнопок. Здесь я свой человек, и все мне тут знакомо. А для того, чтобы снять фильм о цирке, одной любви мало.

— И все-таки позвольте задать вам традиционный вопрос, кого вы больше всего любите в цирке, есть ли такой жанр и исполнитель, или вы принимаете все вместе?

— Для меня цирк — это прежде всего животные. Однажды смотрел программу то ли венгерского, то ли чехословацкого цирка, в кото-

рой не было ни одного номера с животными. И еле досидел до конца. К тому же воздушных гимнастов там тоже не было, а смотреть в цирке только на манеж и не видеть купол — странно и скучно.

— Юрий, но есть и другие мнения: что звери в цирке жалки и поставлены в ненормальные условия, в чем вы вроде бы могли убедиться во время съемок давнего фильма. Это вас не останавливает?

— Нет. Убеден, что без номеров с дрессированными животными цирк только проиграет. И не нужно особенно теоретизировать по этому поводу, сходите на любое представление и сами убедитесь, что я прав.

— Юрий, вы принимали участие в открытии фестиваля СССР в Индии. Там были и эстрадные артисты, и цирковые. Как их принимали?

— От Индии остались самые разные впечатления. Чего стоит, например, разница в климате и условиях жизни. Но если говорить о культурной программе, то наших артистов принимали хорошо. Правда, не обошлось без парадоксов. Нам казалось, что зрители удивятся современной музыке. А они, отдав ей должное, более эмоционально воспринимали фольклор и цирк. Для них именно в этом экзотика, а не в музыке, в которой они прекрасно ориентируются. А вот наши акробаты — сенсация, дрессированные медведи — сенсация, фантастический успех. И это было приятной неожиданностью.

— Юрий, а как после Индии вы относитесь к увлечению восточной символикой, которая стала очень модной и которой стали придавать большое значение?

— Я привык относиться уважительно к чужим взглядам и привычкам. И знакомство с Индией вряд ли здесь что-то изменило во мне. Если человек во что-то верит, и эта вера ему помогает справиться с трудностями и проблемами, очень хорошо. Другое дело, что я привык смотреть на вещи проще. С профессиональной точки зрения. Я привык, что у меня все начинается не с понедельника, а с пятницы, когда становится известной загрузка работой на неделю. И в зависимости от этого строю планы. Без этого уже не могу.

Интервью подготовил Илья АБЕЛЬ.